

Д.В. ИВАНОВ,
главный специалист отдела обеспечения
сохранности и государственного учета
документов РГВИА

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II.

КОМИССИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА БИБИКОВА.

В последнее время одной из достаточно популярных областей военно-исторической науки стала униформология. Всплеск интереса к этой дисциплине, как представляется, явился следствием широкого распространения движения "Военно-исторической реконструкции". Во многом изучению истории военного костюма способствует комплекс документов Военно-ученого архива. Значительная часть материалов связанных с историей военной формы одежды аккумулирована в коллекции ВУА Ф. 413 — "Материалы по теории военного искусства и устройству вооруженных сил России". Наше сообщение основывается на одном любопытном деле, обнаруженном в этой коллекции.

Дело носит непримечательное название — "Материалы комиссии генерал-майора Бибикова"¹, датировано 1898 годом и содержит ряд иллюстраций проектов военной формы, подчас поражающих своей оригинальностью и экзотичностью. К сожалению в деле собраны исключительно рабочие материалы и

из его содержания нельзя понять, что это была за комиссия, для каких целей был собран столь пестрый набор проектов униформы и какова была их дальнейшая судьба. Для разрешения этих вопросов потребовалось провести определенное исследование, результаты которого и представляются здесь.

В России XIX века стало традиционным, что каждое новое царствование приносило с собой многочисленные изменения всех сторон жизни. Этой традиции не чуждо было и развитие военной формы одежды. Даже неискушенный наблюдатель может с первого взгляда отличить строгую униформу времен Николая I от и яркой, как сама эпоха, формы армии его сына. Обращение к национальным традициям, которым было охарактеризовано правление императора Александра III, отразилось, в значительной степени в военной униформе. На смену пышным, европеизированным костюмам пришли русские кафтаны и барашковые шапки. Эти изменения преследовали не только патриотические цели, но также отражали желание сделать одежду более функциональной и экономичной. На деле же введенные кафтаны оказались "тришкинными". Новая форма, возможно, способствовала развитию патриотизма в общенациональном масштабе, демонстрируя единство народа и армии, но начисто уничтожала корпоративный патриотизм, чувство родства с видом оружия и полком, что было основой традиций Русского войска. Пехотные мундиры действительно были более удобны в бою, но этого нельзя было сказать о кавалерийских — драгунские мундиры и барашковые шапки значительно хуже защищали солдата в рукопашной схватке, чем гусарские доломаны с металлизированным шнуром и кожаные каски. Подобное противоречие коснулось и экономической стороны дела: новая форма была проще и дешевле в изготовлении, но на поддержание ее в

должном виде при использовании требовалось значительно больше времени и средств. Кроме того внешний вид однообразной, неяркой формы с мешковатыми шароварами, по-купечески заправленными в сапоги, и маленькой неброской шапкой, заметно проигрывал в сравнении с великолепными мундирами европейских армий, что отрицательно сказывалось на самолюбии офицеров. Нелюбовь к "мужицкой форме" выразилась в обидных названиях ее деталей; так, кавалерийскую шапку называли "кадушкой", а сапоги — "чумацкими чоботами".²

Многим известно, что с началом царствования Николая II русский военный костюм претерпел серьезные преобразования. Однако сам процесс введения формы нового образца почти не отражен в исторической литературе. К числу немногих публикаций относятся проекты, представлявшиеся в разное время Главным интендантским управлением на рассмотрение военного министра, помещенные в недавно вышедшей книге "Военная одежда русской армии".³ К сожалению, помещенные здесь иллюстрации никак не прокомментированы авторами. В то же время мы располагаем довольно значительным комплексом печатных источников, освещающих данный вопрос. Это, в основном, публикации в периодической печати того времени, отражающие широкую дискуссию, развернувшуюся в военной среде в связи с разработкой новой униформы.⁴ Большинство подобных публикаций отражают мнения действительно заинтересованных вопросом компетентных лиц, но встречаются и довольно легкие суждения вездесущих журналистов.⁵ Наиболее важные источники не опубликованы и хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве — в фонде Главного штаба (Ф.400) и в упомянутой коллекции Военно-ученого архива.

Как уже отмечалось выше, униформа, существовавшая в армии при императоре Александре III, вызывала много справедливых нареканий. Это, в свою очередь, подтолкнуло некоторых офицеров к самостоятельной разработке проектов более удобной и красивой формы одежды. Подобные проекты, присылаемые в Военное ведомство, концентрировались в третьем столе 1-го отделения Главного штаба, в компетенцию которого входили вообще все вопросы, касающиеся изменений военной формы, правил ее ношения, знаков отличия и т.п.⁶ К концу 1898 года большое количество собранного таким образом материала и назревшая необходимость реформы, заставили военные власти перейти к реальным действиям. Впервые этот вопрос был поднят на заседаниях действовавшей в этом же году в Главном штабе под председательством генерал-лейтенанта Любовицкого комиссии, занимавшейся окладами жалования и сокращением расходов на обмундирование офицеров.⁷ Правда, принятие каких-либо кардинальных решений не входило в компетенцию этой комиссии и она лишь ограничилась отдельными рекомендациями, касавшимися изменения материала и покроя некоторых деталей одежды. В итоге выявилась потребность в создании органа с более широкими полномочиями. Однако, экономия, подчас доводимая при покойном государе до абсурда, не позволяла создать в недрах военного аппарата какую-либо структуру, которая бы могла квалифицированно систематизировать имеющийся материал и отобрать из него все наиболее ценные предложения, которые в будущем могли быть реально осуществимы. Для решения этого вопроса в Военном министерстве было найдено несколько нестандартное решение.

На протяжении 1898 года в Главном штабе рассматривался вопрос о браках офицеров. Такая щепетильная тема, как устройство семейной жизни, касалась практически всех военнослужащих, поэтому без опроса мнений и широкого обсуждения в печати безболезненно решить этот вопрос было невозможно. Для рассмотрения собранного материала и подготовки проекта изменения соответствующих законов планировалось в начале следующего года образовать комиссию, в состав которой должны были быть назначены некоторые члены упомянутой нами комиссии генерала Любовицкого.⁸ 19-го декабря 1898 года Главным штабом было получено согласие военного министра А.Н. Куропаткина на придание формируемой комиссии дополнительных функций и, в соответствии с этим, некоторого изменения в ее составе.⁹ «Комиссию по пересмотру положения о браках офицеров и формы обмундирования военнослужащих» было приказано образовать с 15-го января 1899 года под председательством генерал-майора Евгения Михайловича Бибикова.¹⁰

Первое заседание комиссии открылось 16-го января в десять часов утра. Первоначально комиссия занималась браками и только исчерпав эту тему обратилась к рассмотрению интересующего нас вопроса. Деятельность комиссии велась по трем направлениям: 1) Изучение уже накопленного к этому времени в Главном штабе материала, 2) Сбор и анализ мнений широких слоев военной общественности, и 3) Рассмотрение соответствующих публикаций в периодической печати. На предварительном этапе работы комиссии наиболее важным представлялось второе направление. В отношении, разосланном Главным штабом, начальникам различных воинских частей и соединений предлагалось высказать

свое мнение относительно изменения униформы как в целом, так и ее деталей.¹¹ Касавшийся наболевшей темы опрос вызвал большое количество откликов. В некоторых частях, таких как Гренадерский корпус и 2-я гренадерская дивизия даже были сформированы собственные комиссии для разработки проектов реформы военной одежды.¹²

Затраты на проведение опроса были вполне оправданы его результатами; опрошенные начальники во многих пунктах проявили единодушие. Практически все признали необходимость отмены барашковых шапок, а немногие ратовавшие за их сохранение (в основном — генералы, давно не занимавшие строевых командных должностей — свитские, члены Военного совета, различных комитетов и т.п.) предлагали существенным образом изменить их внешний вид — снабдить обильными украшениями, козырьком, отворачивающимися клапанами (таким образом шапка делалась весьма похожей на солдатскую папаху времен Первой Мировой войны), сделать пехотную шапку более высокой, по примеру кавалерийской и т.д. По результатам опроса барашковую шапку, как парадный головной убор, должна была заменить фуражка, возможно с большим количеством украшений и с козырьком для нижних чинов. Правда, встречались и более экзотические предложения, об одном из которых — шлеме типа «иерихонки» — подробнее будет сказано ниже. Почти такое же единодушие участники опроса проявили в вопросе о восстановлении старой традиционной формы гусарских и уланских полков. Здесь процент лиц, безусловно ратовавших за возвращение старой формы, был не так высок, но на выводы членов комиссии несомненно повлияло мнение генерал-инспектора кавалерии — великого князя Николая Николаевича: «Восстановление гусар и улан только укрепит связь

с прошлым в лучшем значении этого слова, а в командном отношении для крупных кавалерийских соединений, даст начальникам возможность легко различить свои части, чего в настоящее время не существует и что в тоже время представляет существенный пробел".¹³ Общим желанием офицеров было заменить существующую кожаную португую на галунную, как более прочную и эффективную. Мундиры предлагалось украсить пуговицами с орлами, так как в этом отношении военная форма заметно проигрывала полицейской и чиновничьей. Эполеты и погоны выделялись более прочными и красивыми с галунной (вместо цветной суконной) рогожкой и накладными металлическими шпфровками. Ряд предложений касался технической и экономической сторон вопроса — покроя мундира, сюртука, брюк и т.д., а также изменения правил ношения формы.¹⁴

Как уже отмечалось, другой стороной деятельности комиссии было рассмотрение ранее присланных проектов. В отличие от проектов участников опроса, содержавших в основном общие предложения и замечания, документы, переданные в комиссию Бибикова из 1-го отделения Главного штаба, представляли собой детально разработанные программы реформы обмундирования. Авторы старались учесть все стороны проблемы: экономическую, психологическую, прикладную и т.д., поэтому каждый из проектов являлся самодостаточным и компиляция их отдельных деталей не смогла бы дать положительного результата. Комиссии предстояло выбрать один из них, который должен был стать программным для будущей работы.

Сколько и каких именно проектов было передано на рассмотрение комиссии, в точности установить не удалось. По видимому большая часть этих материалов была безвозвратно утрачена и нам остается довольствоваться лишь частично

сохранившимися иллюстративными приложениями, по которым мы и можем судить о сути этих проектов.

Работа комиссии по отбору единственного программного документа должна была проходить следующим образом: из всех возможных проектов предстояло отобрать три наиболее совершенных, а уж из них, после детального рассмотрения, выбрать тот, который можно было бы представить военному министру как окончательный результат работы комиссии. Забегая вперед скажем, что этот отбор был проделан более чем формально: первый из трех отобранных предварительно проектов, принадлежавший штабс-капитану Лейб-гвардии Преображенского полка Шипову, который "представил комиссии в образцах, рисунках и описаниях форму, проэктированную им в духе древних стрелецких форм допетровского периода", ни в коем случае не мог быть принят, ввиду своей чрезмерной архаичности — в то время, как в Европе уже были изобретены и опробованы цвета хаки и фельдграу. Шипов предложил нарядить всю Русскую армию в яркие красные, синие и т.д. костюмы, блистающие всевозможными украшениями и неприемлемые ни с военной, ни с хозяйственной точки зрения — будучи отличной мишенью для вражеских стрелков, такой мундир терял весь свой праздничный вид после нескольких дней носки в полевых условиях.¹⁵ Вторым был проект самого Е.М. Бибикова, достаточно современный, учитывавший большинство пожеланий участников опроса, но и без особенных претензий на оригинальность.¹⁶ Третий представил военный портной Доронин, но этот проект был настолько похож на Бибиковский, что мог скорее рассматриваться как технический комментарий к нему. Не удивительно, что при подобном раскладе был выбран именно проект председателя комиссии.

В то же время были обойдены вниманием другие, зачастую весьма интересные предложения. Такие предложения отражали три господствовавшие в армии точки зрения на реформу обмундирования: "славянофильскую", явившуюся следствием модного в недалеком прошлом поклонения традициям; "западническую", и ту, согласно которой основное назначение униформы — удобство в использовании, а не демонстрация тех или иных политических приоритетов. К последним относится любопытнейший проект поручика Лейб-гвардии Преображенского полка герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского.¹⁷ Про этого офицера можно с полной уверенностью сказать, что он заглянул на полвека вперед своего времени. С представленных им на имя военного министра превосходных акварелей (которые мы не можем представить читателю по техническим соображениям) на нас смотрят офицеры и солдаты одетые в форму, которая поразительно похожа на знакомую всем по изображениям времен Великой отечественной войны 1941-1945 гг. Зеленые двубортные мундиры с невысоким стоячим воротником, украшенным узкой петлицей венчаются фуражкой с зеленой же тульей и широким козырьком. В довершение сходства на фуражках и ременных бляхах красуются... пятиконечные звезды. Из каких соображений введена эта деталь, остается только догадываться.¹⁸

Судя по сохранившимся материалам, в большом количестве проектов предлагалось обратиться к национальным традициям. Если упоминавшийся уже штабс-капитан Шипов принимал за отправную точку костюмы XVII века, то многие авторы шли еще дальше в глубь средневековья. В достаточной мере о подобных предложениях дает представление проект Ф. Волошинова, опубликованный в Военном сборнике.¹⁹ Несмотря на склонность придавать многим

деталям мундира былинный облик, план Волошинова представляется в целом довольно разумным (мы не останавливаемся подробно на этом проекте, поскольку он относится к числу опубликованных источников). Как мы можем судить, во всех "славянофильских" проектах было только одно новшество, коренным образом отличающее разработанную авторами униформу от всех современных образцов — оно касалось головного убора. Авторы прекрасно сознавали, что в современную эпоху было бы странным одеть войска в зипуны, охабни или кольчуги, головной убор же предоставлял свободу для творчества, являясь более декоративной деталью костюма. Скажем о нем подробнее.

В последнее время многие могли слышать или читать основанные в большинстве своем на легендах сообщения о происхождении красноармейской буденовки: якобы вся форма Красной армии периода Гражданской войны была разработана и пошита до 1917 года по проектам художника В.М. Васнецова, хотя документальных подтверждений этой легенды никто не видел. По видимому эта информация основывается не на фактах, а на бросающемся в глаза противоречии: как могла Советская власть, резко отталкивавшая от себя на раннем этапе своего существования все традиционное, одеть свою армию в форму с чрезмерно выраженным русским национальным характером, чего нельзя сказать о марковских фуражках и корниловских шевронах.² Отчасти на этот запутанный вопрос позволяют ответить материалы комиссии генерал-майора Бибикова. Вот как представлял себе проблему изменения головного убора Ф. Волошинов: "...барашковая шапка имеет много неудобств, но за то она имеет одно великое преимущество: подобной шапки в Европе больше нигде нет, она не скопирована с какого-нибудь чужестранного головного убора. Если уже менять барашковую шапку, конечно, на что-либо более

красивое и более практичное, то непременно на что-либо имеющее такой же характер самобытности и самостоятельности.

Рис. 1

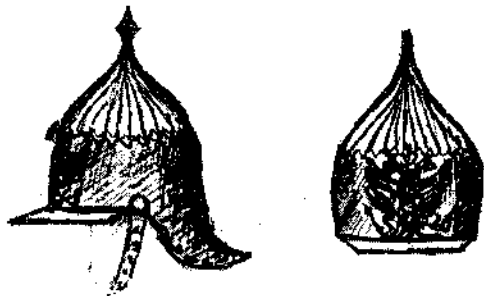

Рис. 2

Рис. 3

Были у нас в старину шапки железные, вида простого, но своеобразного, были и, так называемые, иерихонки, вида более богатого, а потому, если сделать новую каску, придерживаясь этих сравнительно древних образцов, то новый головной убор,

освобожденный от всех недостатков барашковой шапки, сохранит и ее достоинство, заключающееся в ее самобытности".²⁰ Вот что собой должна была представлять эта каска:

"1) Верх каски, ободок, козырек и боковые оковки должны быть алюминиевые, сама же каска может быть из крашеной парусины, из лакированного картона, из лакированной кожи и т.п., что окажется дешевле и практичнее, а может быть тоже из алюминия.

2) Герб должен быть из американского золота или тому подобного сплава, или же никелированный (смотря по прибору).

4) Верх касок для нижних чинов должен быть гладкий, а верх офицерских касок гофрированный.

5) Средняя (неметаллическая) часть каски может быть во всей армии одного цвета, положим, серая; во всей гвардии тоже одного цвета, положим, черная; у кавалерии — по цвету фуражек; у генералов — красная, с золотыми украшениями, а у чинов свиты — белая, с золотыми или серебряными украшениями."²¹

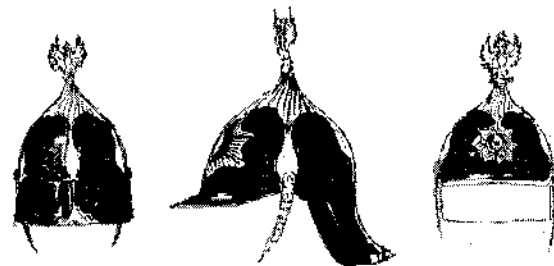

Рис. 4

В материалах комиссии сохранилось несколько анонимных рисунков касок или шапок подобного образца. Они отличаются в основном материалом, из которого должны быть изготовлены. Так, на рисунках 1, 2 и 3²² мы видим цельнометаллические шлемы, являвшиеся, несмотря на внешнюю архаичность большим шагом вперед по сравнению с европейскими армиями, где металлические каски имелись лишь у отдельных гвардейских частей,

а в качестве общеармейской формы появились лишь накануне Первой Мировой войны. К подобным головным уборам относится каска, предложенная штабс-капитаном Шиповым для Лейб-гвардии Драгунского полка (рис. 7). На рисунках 4 и 5²³ представлены кожаные каски с металлическими украшениями, в которых чувствуется ностальгия по головным уборам эпохи Николая I и Александра II. Наиболее любопытны схематические изображения на рисунке 6²⁴ — в суконной стеганой шапке с поднятыми наушниками уже легко заметить черты легендарной буденовки.

Рис.5

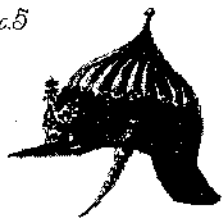

Рис.6

К “славянофильским” можно отнести и анонимный проект гвардейского мундира (рис. 8), который можно было бы принять за измененный мундир Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона, если бы не цвет лацкана (в оригинале — светло-зеленый), который имел Лейб-гвардии егерский полк.²⁵

Рис.7

Поскольку тяга к заимствованиям характерна для слабых или не осознающих своего могущества народов, количество “запад-

нических” проектов было ничтожно. Мы представляем один из них, подписанный “А. Геруа”,²⁶ глядя на который легко понять, какими образами вдохновлялся автор (рис.9).²⁷ В целом неприятие заимствований было в то время так велико, что некоторые участники опроса, не считавшие нужным возрождать гусар и улан, объясняли свое мнение якобы иноземным характером их униформы. Что же в этом контексте можно сказать о современной форме армии Российской Федерации, практически целиком состоящей из заимствований?

Как уже говорилось, все эти предложения комиссией не обсуждались: выбор был однозначно сделан в пользу проекта генерал-майора Бибикова. После отдельных доработок (которые, в частности, касались тех же барашковых шапок; в первоначальном проекте Евгений Михайлович полагал их сохранить,²⁸ в окончательном же заключении комиссии их предлагалось заменить фуражками) 12-го мая была представлена докладная записка “о работах Комиссии по выработке изменений в форме одежды” за № 5.²⁹ Все предложения, бывшие в этой записке в целом совпадают с результатами опроса и проектом Бибикова, за исключением одного момента — комиссия предлагала одеть всю кавалерию в темно-зеленые венгерки. Записку отредактировали начальник Главного штаба и военный министр. Вот как выглядели предложения комиссии в редакции начальника Главного штаба В.В. Сахарова:³⁰

“1) Упразднить барашковые шапки, заменив их во всех случаях фуражками <...> На фуражки можно пристегивать отличия, там где они есть, не мешало бы к фуражкам приделать подбородные ремни, как у моряков, причем у генералов они могли бы быть из галуна, для большего отличия.

2) Предоставить возможность при мундирах вне строя носить длинные брюки <...>

Fig. 8

Fig. 9

3) Мундиры упростить тем, что в армейских частях, не имеющих шитых петлиц, совершенно их снять, <...> а на гвардейских мундирах, также и других, имеющих ныне шитые воротники или петлицы, значительно уменьшить шитье, оставив его только на концах воротника и сохранив тот же характер шитья, <...> шитье это делать на клапанчиках, нашиваемых на воротник <...>

4) Мундиры желательнее было бы снабдить пуговицами <...> Гвардейские мундиры отличались бы от армейских цветными обшлагами на рукавах и шитьем на воротниках, сюртук <...> совсем отменить <...>

5) Общегенеральский мундир <...> требует значительного упрощения, уменьшением шитья на воротниках и рукавах и снятием шитья с задних клапанов. Взамен этого, следует украсить генеральский мундир другими отличиями, а именно: дать на эполеты и погоны орлы, подобно адмиральским, на шароварах вместо суконного делать галунный лампас, дать нарядный головной убор в виде легкой каски <...>

6) В видах большего отличия старших чинов присвоить им шарфы с кистями. Цветные же кушаки отменить для всех, оставив их только подпрапорщикам и фельдфебелям.

7) портупей дать всем галунные, что бы украсить форму <...> Наружный вид оружия сделать изящнее, а то наши эфесы на шашках самые некрасивые из всех существующих <...> Не мешало бы и темлякам придать более нарядный вид.

8) Упразднить аксельбанты у жандармов, топографов (оставив лишь у геодезистов), фельдъегерей и батальонных адъютантов. Аксельбанты должны быть только выдающимся отличием для Свиты, Генерального штаба, адъютантов личных и штабных, а так же для полковых адъютантов <...>

9) Национальными цветами ныне признаны синий, красный и белый, а между тем кокарды, шарфы и некоторые другие принадлежности оставлены по прежнему желтыми, черными и белыми. Казалось бы, следовало сообразовать принадлежности военной формы с установленными национальным."

В таком виде предложения были направлены 31 мая в Главное интендантское управление с просьбой "сообщить свое заключение". Результаты этой коллективной работы были

утверждены военным министром и в течении 1899 года последовали конкретные действия: были отменены барашковые шапки, введены галунные портупей и т.д.³¹

Нет нужды останавливаться на тех изменениях, которые были реально проведены в жизнь. Интереснее судьба неосуществленных проектов. Идея введения головного убора по примеру русского богатырского шлема не умерла с окончанием работ комиссии (4 мая 1899 г.). В 1908 году в Военно-походную канцелярию е.и.в. при императорской Главной квартире был представлен анонимный проект "шапки Ярослава Мудрого", которая уже почти в точности напоминала будущий красноармейский шлем.³² Гусарская и уланская форма была восстановлена вместе со старыми названиями полков в декабре 1907 г. Идея введения национальных цветов в обиход армии в царской России не была воплощена — единственным исключением были шнуры на погонах охотников в десятых годах. Зато после 1917 г. бело-сине-красная символика стала весьма популярной; в такой цветовой палитре были выполнены шевроны белой Добровольческой армии и некоторых других частей периода Гражданской войны, кокарды РОА и других русских формирований в составе Вермахта и т.д. Ныне подобная символика широко используется в униформе силовых ведомств РФ.

Таким образом, благодаря материалам, сохранившимся в ВУА, нам удалось частично осветить вопрос рождения военной униформы периода последнего царствования — той формы одежды, в которой Русская армия проделала славный "поход в Китай", героически сражалась на полях Русско-японской войны, формы которая во многом стала прототипом мундира Первой Мировой войны и элементы которой были воскрешены РККА в конце 1942 г. Частично удалось проследить историю возникновения буденовки, но окончательное решение этого вопроса требует дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. Ф.413. Оп.1. Д.858.
2. Военная одежда; заметки конника. СПб., 1898 г.
3. Военная одежда русской армии. М.: Воениздат, 1994.
4. Ф.Волошинов. По вопросам о форме одежды и о браках офицеров. Военный сборник. Т. ССXLIII. Отд.1. С.420. СПб., 1899; Б.В.Е. Историческая справка о казачьей одежде. Таганрог, 1892; Н.П.Нечаев. Свод мнений о форме обмундирования офицеров. Интендантский журнал. 1899 г., № 1. Так же см. газеты: "Листок экономического общества офицеров Гвардейского корпуса". 1898 г., №№ 46, 49; "Петербургский листок". 1899 г. № 74; "Ведомости СПб. градоначальника". 1899 г., № 61; Свет. 1899 г., № 73. Кроме того, на протяжении 1898-1899 гг. рассматриваемой теме посвящались масса статей в "Русском инвалиде" и "Разведчике".
5. Газеты: "Русские ведомости", "Новости", "Южный край" за 1899 г.
6. РГВИА. Ф.400. Оп.2. Д.6632. Л.46.
7. Там же. Д.6605. Л.770.
8. Там же. Д.6632. Л.9.
9. Там же. Л.11.
10. Командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии.
11. Там же. Д.6605.
12. Там же. Л.304,716.
13. Там же. Л.258.
14. Там же. Д.6605, Ф.413. Оп.1. Д.858, Л.122-181.
15. Ф.400. Оп.2. Д.6605. Л.770.
16. Ф.413. Оп.1. Д.858. Л.44 - 64.
17. Там же. Л.89,90,242.
18. Там же. Л.97,98.
19. См. Примечание 4.
20. Указ. соч., С.427.
21. Там же.
22. Ф.413. Оп.1. Д.858. Л.95,93.
23. Там же. Л.105,91.

24. Там же. Л.104.
25. Там же. Л.101.
26. Александр Владимирович Геруа (1870 — ?) — известный военный писатель, участник Русско-японской и 1 Мировой войн, эмигрант. Во время работы комиссии Бибикова служил в Лейб-гвардии Егерском полку.
27. Ф.413. Оп.1. Д.858. Л.100.
28. Ф.413. Оп.1. Д.858. Л.57-58 об.
29. Ф.400. Оп.2. Д.6605. Л.770.
30. Ф.400. Оп.2. Д.6632. Л.121.
31. Справочник Патина...
32. Ф.970. Оп.3. Д.1341.